

ВИДЫ СТРАХОВ В МИФОРИТУАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Исследуется феномен страха в мифоритуальных традициях, выделяются основные виды страхов (страх разделения, страх объединения, страх возвращения), а также их предпосылки. Рассматривается влияние различных видов страха на формирование традиционных представлений о “тоске по иному”, возвращении к началу, о грехе, спасении, жертвоприношении и пр. Обосновывается взаимосвязь страха и анимистических представлений, описываются специфические формы традиционных воззрений, сформировавшихся под влиянием страха.

Проблема страха в научной литературе исследовалась психоаналитиками (З.Фрейд, Ф.Риман) и неопрейдистами (К.Хорни, Э.Фромм), которые вывели страх из биологической категории в культурную и выявили в нем социальную специфику. Однако ими не была широко изучена проблема отражения страха в представлениях культуры. Вместе с тем культурными антропологами и фольклористами (Л.Леви-Брюль, К.Леви-Стросс, В.Я.Пропп, О.М.Фрейденберг, Дж.Дж.Фрэзер, М.Элиаде) была проведена работа по сбору и анализу содержания мифоритуальных традиций. Некоторое внимание ими было уделено страху в связи с инициациями, погребальными культами, жертвоприношениями и пр. В среде культурной антропологии проблема отражения страха в культуре также не получила достаточной разработки. Попытки восполнить этот пробел в последние годы предпринимались О.С.Фроловой, исследовавшей взаимозависимость страха с нормами и ценностями культуры [5, с. 10], а также Е.М.Боровым, который анализировал роль общества в регуляции страхов и систематизировал основания страха [1, с. 13]. Также определенное внимание отражению страха на ранних стадиях формирования культуры уделил А.П.Назаретян, связавший страх перед мертвыми с представлениями о загробной жизни и заботой о старшем поколении [7, с. 156–160].

Несмотря на предпринятые попытки, проблема страха как одного из источников мифа и ритуала не получила должной разработки, не были выявлены корреляты между страхом и спецификой мифоритуальных представлений, в то время как исследование этих вопросов особенно актуально для понимания сущности и эволюции культуры. Поэтому целью данной работы являются определение и типизация основных страхов в мифоритуальных традициях, а также анализ мифоритуальных представлений с точки зрения их корреляции со страхом.

Поскольку формирование мифоритуальных традиций уходит своими корнями к началам культуры, то логично, что исходные представления должны быть органично связаны не с абстрактными умозаключениями, а с конкретными психическими переживаниями. К универсальным человеческим переживаниям относятся состояния единства и слияния ребенка с матерью, выход индивида из этого состояния на определенной стадии развития, а также соотношение данных состояний в процессе онтогенеза. Эти переживания органично связаны с основными страхами, которые обнаруживаются в мифоритуальных традициях. Они сводятся к следующим видам:

- страх разделения, характеризующий страх ребенка утратить состояние единства и слияния с матерью;
- страх объединения, который характеризует страх вышедшего из слияния индивида вернуться обратно в это состояние;
- страхи возвращения, которые сопровождают онтогенез и представляют собой смену страхов разделения и объединения. Возвращение в данном контексте рассматривается как процессуальный феномен.

Эти страхи носят универсальный характер, поскольку являются биологически обусловленными. Мифоритуальные традиции вырабатывают лишь свои специфические способы выдержать, преодолеть, уменьшить или снять страх. “Страх существует независимо от культуры и уровня развития народа или его отдельных представителей” [4, с.12]. При этом страх оказывает влияние на формирование представлений культуры. Эти представления содержат универсальные мотивы, благодаря которым становится

возможным проследить общие черты взаимопроникновения страха и культуры. Попытки типизировать страхи предпринимались представителями психологии (Ф.Риман, К.Хорни) и философии (И.Кант, М.Хайдеггер), однако их типологии характеризуют поведение человека, интенсивность страха, но не позволяют описывать феномены культуры.

Истоки **страха разделения** лежат в переживании ребенком выхода из состояния слияния. Этот выход и последующее столкновение с экзистенциальными проблемами порождает желание возврата к беззаботному и комфортному состоянию слияния, мифологическому началу, что является предпосылкой представлений о “тоске по иному”. “Тоска по иному” служит исходным мотивом для формирования мифов о возвращении к началу в форме разнообразных мифоритуальных представлений (рай, золотой век и пр.).

Разделение или выход из слияния порождает, с одной стороны, страх перед неизвестностью и неожиданностью окружающего мира, а с другой – страх утраты и лишения. Беззаботный комфорт, переживаемый в слиянии как ощущение полноты и всеобщности, навсегда утрачен, а индивид вынужден воспринимать себя как лишенное всеобщего частное. В результате переживания этой утраты формируются представления о том, что человек грешен, виновен, брошен и имеет какой-то изъян в силу самого своего существования. Этот изъян оказывает влияние на формирование культуры стыда и вины, покорности, служит источником представлений о жизни как страдании. Участь индивида как частного наглядно иллюстрируется представлениями о мире, где властвует Сатана, и ему противопоставляются красота и блаженство Божьего царства [2, с.29].

Страх разделения влияет на формирование представлений о смирении и искуплении вины. Смирение – это акт принятия индивидом мифа о первородном грехе, что характеризует разделение. Искупление же представляет собой способ освободиться от страха и тревоги, попытку снять страх разделения и нейтрализовать изъян.

Мотив разделения обнаруживается в представлениях об отдаленности божества или первоисточника от человека. Эта отдаленность иллюстрируется христианским мифом о грехопадении, гностическим мифом о пленении демиургом душ в творении, падением человеческого рода от золотого к железному веку в греческой религии.

Страх разделения включает в себя страх одиночества, который в ответ усиливает чувство коллективизма и желание обрести полноту. Это желание обнаруживается в страхе перед изменениями, который характерен для представлений древнекитайской культуры и буддизма. Отсутствие изменений воспроизводит картину полноты и компенсирует страх разделения.

Снятие страха разделения можно проследить в формах представлений об освобождении от страстей, доктринах превращения эго и воспринимаемых явлений мира в ничто, представлениях о снисхождении благодати, манны, обретении мифологических символов счастья. Страх разделения снимают представления о спасении души, что дает надежду на возврат в целостное состояние. Этот же страх снимают представления об иллюзорности воспринимаемого мира, что характерно для буддизма и индуизма. Убежденность в том, что мир иллюзорен, изменяет отношение к нему, снижает значимость и ценность феноменов, с которыми сталкивается индивид при жизни.

Если страх разделения характеризует страх частного быть оторванным от целого, то страх объединения, напротив, характеризует страх оторванного частного слиться и воссоединиться с целым. Так, индивид, вышедший из слияния, обретает навыки самостоятельной жизни. Он научился выживать и удовлетворять свои потребности, поэтому боится утратить себя как частное, с одной стороны, а с другой – он боится обрести состояние слияния, потому что страшится неожиданно для себя потерять его вновь.

Страх объединения предстает в виде боязни утраты частным себя, что может быть выражено страхом перед смертью, хаосом и растворением. Так, египтяне при жизни боялись утратить имя (Рен) после смерти. Если же время еще не стерло Рен покойного, то разрушение гробницы в Древнем Египте каралось смертью [3, с.176]. Этим же видом страха можно объяснить страх египтян за сохранность мумии, уничтожение которой означало прекращение загробной жизни [3, с. 233]. К страху объединения также следует отнести религиозные представления о существовании индивидуальной души после смерти.

Страх объединения возникает при переходе частного ко всеобщему. Всеобщее способно как поглощать и растворять в себе частное, так и обновлять, если взаимодействие частного и всеобщего длится некоторый промежуток. Так, повсеместно распространенные инициации предполагают в своей структуре переживание индивидом ритуальной смерти, которая в данном разрезе иллюстрирует погружение частного во всеобщее. Мотив растворения в мифоритуальных традициях обнаруживается при погружении в воду при крещении, в семантике расчленения героя на части и пр.

Со страхом объединения тесно связан страх заражения и нечистоты, поскольку погружение частного в хаос (объединение) чревато нарушением принятого порядка и ростом энтропии, которая в мифоритуальных традициях нередко наделяется демоническими чертами. Например, у африканского народа банту множество ритуалов имеет целью избавить общество от нечистоты [6, с. 61], эти же цели преследуют широко распространенные ритуалы изгнания демонических сил в самых различных традициях. Следствием страха перед нечистотами, заражением и демонами является проведение четкой границы между своим и чужим, а также изоляция индивида и общности от чужого.

Динамика и амбивалентность страхов разделения и объединения характеризуют **страхи возвращения**. Исходной схемой для этих страхов является желание обретения целостного и необусловленного состояния комфорта, прежде переживаемого в состоянии слияния. Возвращение – это прохождение пути, который связан с расстоянием, временем и усилиями индивида. Сама идея необходимости пути для обретения полноты и целостности формирует группу страхов, к которым следует отнести страх перед неизвестностью, временем, необратимостью, страх за поступки, страх не сбиться с пути, страх не успеть пройти путь, страх смерти. Следует отметить, что страх неизвестности характерен как для страха разделения, так и для страха объединения, но в первом случае неизвестность исходит из окружающего мира, а во втором – из переживаний индивида или общности за свою участь.

В мифоритуальных традициях возвращение нередко представлено совокупностью обрядов инициаций, организующих жизненный цикл. Эти ритуалы обычно предполагают изоляцию (разделение) и символическую смерть (объединение). При инициациях происходит смена экзистенциального статуса индивида. Это достигается путем погружения частного (индивид) во всеобщее (символическая смерть) на некоторый промежуток времени, по истечении которого индивид возвращается в новом качестве в привычную для него среду. Совсем иной контекст имеет рассмотрение проблемы вне этого промежутка, поскольку полное объединение чревато также полной утратой частным себя без каких-либо гарантий возвращения. Защиту от невозвращения можно обнаружить, например, в символике нити Ариадны, которая служит для Тесея в лабиринте связью с привычным миром.

Другими средствами защиты от невозвращения выступают разнообразные атрибуты, характеризующие причастность индивида к тем или иным социальным общностям (имя, знаки отличия, социальный статус, посвящение и пр.). Невозвращение снимается верой в возвращение или существование души после смерти, однако нейтрализация этого страха может происходить в разных формах. Например, у аборигенов смерть, наиболее явная модель невозвращения, рассматривается как результат злого колдовства. “Погребальный ритуал включает в себя наказание предполагаемого убийцы” [6, с.21], что является формой компенсации и защиты от страха невозвращения.

Мифологическое возвращение предполагает апелляцию к культурным программам деятельности, поскольку это знание позволяет обезопасить путь и частично снять страх неопределенности. В таком разрезе страх выступает как стимул к обучению. Необходимость безопасного пути для возвращения служит предпосылкой для выстраивания взаимоотношений между индивидом, общностью и окружающим миром. Примеры таких отношений – церемонии умилоствления предков, духов, богов и иных сил, что является мифоритуальным ответом на угрозы и страхи, связанные с возвращением. Среди индейцев Северной Америки встречаются церемонии самооправдания перед духами убитой дичи и съедобных растений [6, с.21], что иллюстрирует страх перед наказанием за лишение жизни и потребность в безопасности.

Наиболее существенным страхом, связанным с возвращением, является страх неопределенности. Соприкосновение индивида с неопределенностью рискованно, амбивалентно и может вести к приобретениям или утратам. Амбивалентность ставит перед неизвестностью выбора и вызывает страх. Так, согласно ацтекской мифологии, Ксолотль – божество чудовищ и всего того, что двойственно, подобно близнецам [6, с. 37]. Африканское племя йоруба двойственно относится к близнецам: надо или устранить близнецов, ибо их существование нарушает мировое равновесие, или же оказывать им специальные почести [6, с. 57].

Неопределенность порождает желание как-либо управлять ей. Результатом этого является формирование представлений о существовании множества антропоморфных духов, на которых по аналогии проецируется система человеческих отношений. Формируется система представлений об изгнании и призвании духов. Как и людей, духов становится возможным прогонять, задабривать или умолять. Чтобы духи, подобно людям, действовали в соответствии с нашим желанием, необходимо чем-то пожертвовать. Это способствует возникновению представлений о жертвоприношении. Жертвоприношение воспроизводит мотив возврата к началу, а само оно может быть понято как попытка преодоления разделения – действия с целью возврата утраченной полноты, компенсации изъяна или, по меньшей мере, приобретения чего-либо. Возврат к началу сам по себе является защитой от страха, поскольку в начале нет роковых ошибок и можно начать все заново.

Желание управлять неопределенностью служит предпосылкой возникновения традиционной практики взаимодействия с ней, что подразумевает сознательное использование боли и страха с целью трансцендирования. Например, индейцы “истязают себя физически, дабы приблизиться к Великому Духу” [6, с. 28]. Практикой взаимодействия с неопределенностью также являются гадания, откровения и пр.

Среди страхов процесса возвращения стоит также отметить эсхатологические представления. Так, согласно представлениям карибского народа мундуруку, “создав мир вещей и мир людей, Карускайбе, смертельно оскорбленный людьми, удалился в недоступные области неба. Когда настанет конец света, он вернется, чтобы спалить огнем человечество” [6, с. 48]. Схожие эсхатологические мотивы обнаруживаются в христианстве, иудаизме, исламе, индуизме и пр. Эсхатологические представления отображают страх смерти в глобальных масштабах, страх невозвращения, страх перед будущим, страх неопределенности и пр.

Изложенное показывает, что страх разделения служит предпосылкой формирования представлений о “тоске по иному” и возвращении к началу. Этот же страх служит исходной схемой представлений о наличии некоторого изъяна в человеке. Страх разделения может проявлять себя как страх неизвестности, изменения, утраты и одиночества. Данный страх оказывает влияние на возникновение представлений мифоритуальных традиций о стыде и вине человека, о жизни как страдании, о необходимости смирения и искупления, об аскезе и спасении души, о мире как иллюзии и пр.

Страх объединения может проявлять себя как страх перед смертью, хаосом, растворением, заражением и нечистотой. Этот страх влияет на формирование представлений о существовании души после смерти, об изгнании духов, о границе между своим и чужим и пр.

Страхи возвращения образуются из смены страхов разделения и объединения, они могут проявлять себя в форме страха перед временем, необратимостью, страха потери пути, страха за поступки и пр. Эти страхи обнаруживаются в ритуалах инициации, влияют на формирование представлений о подражании предкам, об изгнании, вызывании духов и возвращении к ним, об антропоморфизме и жертвоприношении.

Приведенная типология страхов обладает новизной, поскольку иллюстрирует не только переживания, но служит исходной схемой для понимания и интерпретации представлений культуры, что может находить свое применение при феноменологическом и сравнительном анализе традиционных культур.

2. Делюмо, Ж. Грех и страх: формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.) / Ж.Делюмо. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2003. – 752 с.
3. Рак, И.В. Мифы Древнего Египта / И.В.Рак. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 416 с.
4. Римап, Ф. Основные формы страха / Ф.Римап. – 3-е изд. – М.: Алетейа, 1998. – 336 с.
5. Фролова, О.С. Феномен страха в культуре: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / О.С.Фролова. – Ростов н/Д, 2007. – 133 с.
6. Элиаде, М. Словарь религий, обрядов и верований / М.Элиаде. – М.: Рудомино, 1997. – 414 с.
7. Nazaretyan, A.P. Fear of the Dead as a Factor in Social Self-Organization / A.P.Nazaretyan // Journal for the Theory of Social Behaviour. – 2005. – Vol. 35. № 2. – P. 155–169.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ